

Глава 15. Синеет ворот твой, но отчего же весть ты мне не шлешь?

В имени Сыния с самого начала присутствовал иероглиф «Юань». Когда он только попал во дворец, его приставили помогатьстряпчим на императорской кухне и прозвали Сяо Юань-цзы. Благодаря дальнему родству с главным распорядителем Ван Юаньчэнем его вскоре перевели на службу в Зал Резонирующей Гармонии. Именно он в тот день, когда там подчинили Хун Жуцзиня, притащил тяжелое тунговое кресло. Император Чун И еще тогда заметил его, лицо слуги показалось смутно знакомым. Однако после разговора во Дворце Вечного Покоя события потекли чередой, Фу Исянь слег от недуга, и правителю стало не до расспросов.

Но однажды вечером Чун И в полном одиночестве читал в Зале Резонирующей Гармонии. Осень уже догорала, уступая место первым зимним холодам. Подпольные печи в зале еще не топили, и, чтобы разогнать скопившуюся сырость, Сяо Юань-цзы принес медную жаровню с углями. При дворе он служил недавно и редко удостоивался чести приблизиться к государю. Воспользовавшись тем, что вокруг никого не было, юноша усердно делал вид, будто прибирается, а сам украдкой разглядывал императора. После того как Чун И в порыве гнева разбил резной фонарь из слоновой кости в форме тыквы Великой Удачи, на его место повесили Фонарь из глазури с восемью сокровищами. Его переливчатое сияние мягко озаряло лицо правителя, подчеркивая точеные, благородные черты. Сяо Юань-цзы завороченно смотрел на него и опомнился лишь тогда, когда Чун И пошевелился. Почувствовав чужой взгляд, император вскинул голову, и перепуганный слуга тут же поспешно отступил к дверям.

Чун И и раньше замечал, что этот мазила украдкой посматривает на него, но поначалу не придавал значения. Однако навязчивое любопытство слуги в конце концов вызвало досаду. Император уже собирался резко прикрикнуть на наглеца, но, разглядев лицо Сяо Юань-цзы, оцепенел.

Лишь когда тот скрылся за дверью, государь пришел в себя. Слегка откашлявшись, он негромко спросил:

— Кто там снаружи?

Сяо Юань-цзы, только переступивший порог, поспешно опустился на колени.

— Отвечаю Вашему Величеству, сегодня на страже ваш ничтожный слуга Сяо Юань-цзы.

— Войди.

Сяо Юань-цзы, дрожа от страха, пролепетал слова почтения и робко опустился на колени перед троном. Чун И велел ему поднять голову. Внимательно всмотревшись в черты юноши, император с удивлением обнаружил, насколько тот похож на юного Фу Исяня. Хоть манерами и повадками слуга разительно отличался от утонченного бакалавра-чтеца, его живые, ясные глаза и тонко очерченное лицо будили в душе государя старые воспоминания.

С тех пор как в Зале Резонирующей Гармонии прозвучала весть о нежеланной императорской женитьбе, Фу Исянь упорно сказывался больным и не являлся ко двору. Раньше он всегда приходил по первому зову, а теперь малодушно прятался. Чун И метался от тоски и досады, не раз пытаясь тайно покинуть дворец, чтобы навестить друга, но случай так и не представился. Днем заботы государственного масштаба помогали отвлечься, но с наступлением ночной тишины мысли неизменно возвращались к Исяню. Эта невыносимая тоска, смешанная с невозможностью встретиться лицом к лицу, постепенно порождала в сердце императора глухую обиду.

И сейчас, глядя на робкого слугу, Чун И не сдержался. Имя само сорвалось с его губ:

— Сяошань?..

Сяо Юань-цзы, разумеется, понятия не имел, кого зовет император. Он лишь послушно склонил голову до самого пола:

— Владыка, ничтожный зовется Сяо Юань-цзы.

Едва произнеся это имя, Чун И осознал свою оплошность.

«Неужели я настолько лишился рассудка из-за своего Сяошаня?» — с горечью подумал он.

Потянулось долгое молчание. Лишь спустя какое-то время государь вновь заговорил. Он расспросил юношу о возрасте, происхождении и семье. Узнав же, что слуга обучен грамоте, равнодушно бросил:

— Раз умеешь читать, выбери что-нибудь на свой вкус и прочти мне.

Сяо Юань-цзы бросил взгляд на залитый лунным сиянием двор и негромко, на распев, зачитал:

— На землю пал белесый свет, вороны спят в ветвях,

Бесшумно влажная роса блестит на лепестках.

Все взоры к бледной луне устремлены сейчас,

Но чью обитель посетит тоска в полночный час?

Чун И одобрительно кивнул.

— «Но чью обитель посетит тоска в полночный час?» Хм, пусть сегодня и не полнолуние, но

эти стихи на редкость созвучны моей душе. А ты, как я погляжу, умеешь угодить государю. Знаешь ли ты что-то помимо классических строф? Прочти еще.

Сяо Юань-цзы, польщенный похвалой, на мгновение задумался, а затем запел нежным голосом:

— О синий ворот твой, тоска моей души!

Пусть сам я не иду к тебе, но отчего в тиши

Не шлешь ты весточки своей, оставив без ума?

Твой синий пояс на бедре, печаль моих ночей!

Пусть сам я не иду к тебе в безумии скорбей,

Зачем же ты не поспешишь ко мне рассеять тьму?

Блуждаю тенью у ворот, в тоске схожу с ума,

Один лишь день в разлуке мне — как долгих три луны!

С каждым словом лицо Чун И становилось все мрачнее. Он медленно повторил про себя:

— «Пусть сам я не иду к тебе, но отчего в тиши не шлешь ты весточки своей...»

Скрытая обида на запершегося в поместье Фу Исяня заныла в сердце с новой силой. Эти строки ударили по самому больному месту.

Император злобно усмехнулся:

— Какая дерзость!

Видя, как мгновенно переменялся в лице государь, Сяо Юань-цзы в ужасе распластался на полу, боясь даже вздохнуть.

Взглянув на трясущегося перед ним слугу, Чун И почувствовал лишь глубокое отвращение и брезгливость.

— Услышав стихи Ван Цзяня, я решил, что предо мной просвещенный человек, знающий меру и приличия. Но ты оказался обыкновенным холопом! Как ты посмел выведывать тайные думы государя?!

Император резко крикнул, призывая стражу. В эту ночь дежурил телохранитель Синего пера Чэнь Чжэньшэн — доверенный сподвижник государя. Он преданно служил Чун И еще в те времена, когда тот был наследным принцем. После восшествия повелителя на престол он обрел небывалое влияние, не уступая по могуществу самому Ван Юаньчэню.

Войдя в зал, преданный гвардеец с полувзгляда оценил обстановку. Не говоря ни слова, он схватил Сяо Юань-цзы за воротник, уволок за боковые ворота и принялся жестоко бить по щекам прямо во дворе.

Сяо Юань-цзы душили слезы обиды: он так и не понял, чем прогневал государя. От ужаса у него кружилась голова, но, пока тяжелые удары обрушивались на его лицо, в душе теплилась робкая надежда на то, что ему по крайней мере сохранят жизнь.

В это время с докладом вернулся главный распорядитель Ван Юаньчэнь. Увидев, как истязают его протеже, он испуганно кинулся к Чэнь Чжэньшэну, расспрашивая о причинах опалы. Гвардеец сухо бросил, что такова воля императора. Испугавшись, что глупый юноша навлек на себя смертный приговор, евнух поспешил предстать перед взором императора.

Стоило Ван Юаньчэню переступить порог, как Чун И, прекрасно понимая цель его визита, пресек любые оправдания грозным окриком:

— Вот как ты воспитываешь своих людей, Ван Юаньчэнь?! Это так ты ведешь дела во дворце?! Жалкий раб осмелился лезть своими грязными мыслями в душу императора!

Ван Юаньчэнь похолодел от страха. Обвинение в дерзкой попытке разгадать мысли владыки могло стоить головы. Сяо Юань-цзы был его протеже, переведенным из кухни, и если бы юноша действительно совершил государственное преступление, кара пала бы и на его покровителя.

Однако, узнав, что всему виной послужила безобидная строка из древней песни «Пусть сам я не иду к тебе, но отчего в тиши не шлешь ты весточки своей», евнух незаметно перевел дух.

«Наш повелитель наделен великим умом и поразительной проницательностью, — подумал он. — Но стоит делу коснуться бакалавра-чтеца Фу, как государь тут же теряет всякое самообладание. Видно, и на мудреца найдется управа».

Придав лицу угодливое выражение, Ван Юаньчэнь вкрадчиво заговорил:

— Ваше Величество, Сяо Юань-цзы раньше лишь возился у очага. Ничтожный заметил его

грамотность и расторопность, потому и привел во дворец, дабы он преданно служил Вашему Величеству. Он ведь и половины месяца здесь не провел, откуда ему знать, что тайное имя «Сяошань» принадлежит почтенному бакалавру-чтецу? Глупый малый решил похвастать перед государем своими скромными познаниями, за что заслуживает лютой казни. Но умоляю Ваше Величество, примите во внимание его усердие. То была лишь глупая оплошность. Позвольте ничтожному рабу временно сохранить голову на плечах — если он посмеет оступиться вновь, кара настигнет его незамедлительно.

Чун И постепенно остывал. «Сяошань» — так ласково звали Фу Исяня, чье второе имя было Юаньшань. Во всей Поднебесной так к нему могли обратиться лишь двое: сам император да его брат Чун Дай. Кто еще во дворце, за исключением верного Ван Юаньчэня, мог догадываться об этом? Государь осознал, что поддался минутной ярости и упустил из виду очевидное.

Заметив, что император смягчился и погрузился в раздумья, евнух поспешил добавить:

— Ваше Величество, вчера придворный лекарь Гун Хай наведлся в поместье старого генерала Фу.

Чун И встрепнулся:

— Что показал осмотр?

— Повелитель, ваш слуга только что прибыл из Медицинского управления. Лекарь Гун Хай уверяет, что почтенный бакалавр попросту изнурен душевными тревогами, к которым добавилась простуда. От сильного внутреннего жара у него поднялась горячка, но жизни его ничего не угрожает. Ему уже выписали целебный отвар и предписали покой. Вашему Величеству не стоит так сильно сокрушаться.

Император со вздохом опустил голову:

— Ван Юаньчэнь, я и сам знаю, что болезнь отступит. Хоть Исянь и кажется хрупким, но за годы странствий его тело привыкло к тяготам. Дело в другом. Он обижен на меня, он не желает меня видеть. Но разве мне самому легко? Разве он не может проявить хоть каплю понимания?..

Увидев, как лицо молодого государя исказилось от щемящей боли, а на глазах выступили слезы, Ван Юаньчэнь преданно опустился на колени рядом. Нужные слова утешения не шли на ум, и старому слуге оставалось лишь молча сопереживать безмерному горю своего господина.

Наконец Чун И тяжело вздохнул и произнес:

— Вели впустить Сяо Юань-цзы. Сегодня я сорвал на нем свою злость.

Когда юноша вновь переступил порог, лицо его распухло от кровоподтеков. Лишь благодаря тому, что Чэнь Чжэньшэн вовремя сдержал силу ударов, бедняга не лишился чувств.

Припав к полу у самых дверей, слуга не смел поднять глаз. Чун И долго вглядывался в его силуэт. Изнывая от тоски по Исяню, он невольно находил в облике провинившегося знакомые черты. Вид чужих увечий неожиданно отозвался в его сердце уколом жалости.

— Сяо Юань-цзы — не лучшее имя для того, кто служит императору, — негромко произнес государь. — Коль скоро ты так искусно декламируешь строки о вестях в разлуке, отныне твое имя будет Сыинь.

Сыинь торопливо забил поклоны, благодаря владыку. Он и представить не мог, что суровое наказание обернется столь великой милостью — имя, дарованное самим императором, считалось при дворе предвестником великой судьбы.

Ночь близилась к концу, и император почувствовал сильную усталость. Желая помочь новоиспеченному Сыиню укрепить свое положение при дворе, Ван Юаньчэнь поручил ему подготовить опочивальню к ночлегу.

Уже лежа на ложе, Чун И смотрел сквозь тончайший шелк полога на силуэт слуги. В полумраке очертания юноши казались до боли знакомыми, разум затуманился грезами. Повинуясь внезапному порыву, император протянул руку и крепко сжал тонкое запястье Сыиня.

— Сяошань...

Растерявшись от этого прикосновения, Сыинь робко прошептал:

— Ваше Величество, ничтожный...

Но Чун И, не слушая, прикрыл глаза. Сжав холодные пальцы юноши, он нежно прошептал:

— Сяошань, не уходи этой ночью. Остайся со мной.

Сердце Сыиня бешено забилося от смеси ужаса и ликования. Оцепенело застыв у постели государя, он беспомощно обернулся к дверям. В проеме показался Ван Юаньчэнь. Главный распорядитель ободряюще кивнул юноше, после чего бесшумно прикрыл за собой тяжелые створки, оставив их наедине.

С той самой ночи Чун И стал все чаще оставлять Сыиня в своих покоях. Наделенный живым умом юноша пустил в ход всю свою чуткость и расторопность, дабы усладить взор повелителя. Ван Юаньчэнь надеялся лишь унять сердечную боль императора с помощью этого безликого двойника, однако последствия превзошли самые мрачные ожидания. В ночь долгожданного

великого бракосочетания правитель попросту бросил новоявленную императрицу одну в пустой спальне и вернулся в Зал Резонирующей Гармонии, приказав немедленно привести к нему Сыиня.

Главный распорядитель не смел перечить воле владыки, но страх ледяной хваткой сжал его сердце. Если слухи о подобном безумии достигнут Дворца Вечного Покоя, вдовствующая императрица не пощадит никого. Обвинение в потворстве разврату и осквернении священных устоев дворца означало неминуемую и жестокую казнь.

Предчувствия его не обманули. Едва миновал час Зайца, как со стороны Дворца Вечного Покоя показалась процессия. Главный евнух вдовствующей императрицы Фэн Кунь в окружении слуг с тусклыми фонарями стремительно приближался к дверям Зала Резонирующей Гармонии.

<http://bllate.org/book/19874/2039455>